

**Н. Г. Помяловский, Н. А.
Благовещенский**

**Полное собрание
сочинений**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. Г. Помяловский**
Полное собрание сочинений: Том 1 / Н. Г. Помяловский, Н. А. Благовещенский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 432 с.

ISBN 978-5-518-02822-7

С биографией автора, составленной Н. А. Благовещенским.

ISBN 978-5-518-02822-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ:

	СТР.
Николай Герасимович Помяловский (биографический очерк)...	I
Букозь.....	1
Мъщанское счастье.....	31
Молотовъ.....	159

НИКОЛАЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ ПОМЯЛОВСКІЙ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

...Знаете ли вы, что значитъ честно мыслить, не бояться своей головы, своего ума, смотрѣть въ свою душу не подличая, а если не вѣришь чему, такъ и говорить, что не вѣришь, и не обманывать себя? О, это тяжелое дѣло! Кто надуваетъ себя, тотъ всегда спокоенъ; но я не хочу вашего спокойствія!...

Молотовъ.

Наша современная беллетристика переживаетъ теперь тяжелое, переходное время. Она видимо приближается къ перелому на новую дѣятельность, болѣе сообразную съ современными потребностями общества, и съ нетерпѣніемъ ждетъ новыхъ, свѣжихъ дѣятелей, которые уловили бы и осмыслили эти потребности, и живымъ, энергическимъ словомъ пробудили общество отъ этой апатіи, въ которую поставило его это переходное время. Препре дѣятели, воспитавшіеся подъ вліяніемъ иныхъ интересовъ, одинъ за другимъ сходятъ со сцены, или кое-гдѣ дописываютъ свои послѣднія, лебединныя пѣсни; отъ нихъ намъ ждать нечего, потому что «въ старыя мѣхи новое вино не вливается», а молодыя силы до сихъ поръ не подаютъ своего голоса.

При такомъ безцвѣтномъ состояніи нашей беллетристики, Николай Герасимовичъ Помяловскій возбудилъ было общія надежды и ожиданія; въ его произведеніяхъ сказались самобытная, свѣжая сила таланта, и выразился ясный и сильный протестъ противъ устарѣвшихъ понятій и гнетущихъ формъ жизни общественной,—но эти надежды не сбылись: Помяловскій умеръ слишкомъ рано, и въ ту пору, когда, по нашему мнѣнію, онъ только задумывалъ свои главные работы.

Николай Герасимовичъ Помяловскій обладалъ силами недюжинными; онъ и въ это короткое время своей дѣятельности могъ бы оставить по себѣ вѣковѣчную память, если бы обстоятельства сложились для него не такъ неблагоприятно. Онъ развился слишкомъ поздно; дѣтство его протекло среди обстановки неприглядной, гдѣ ничто не могло помочь его развитію; ему приходилось *самому*, безъ всякой посторонней помощи, разгадывать такіе вопросы, которые въ обществѣ образованномъ считались дѣломъ давно рѣшеннымъ, и на эти разгадки потрачено было много и силъ, и времени. Конечно, эти думы развили въ немъ способность анализа и доставили ему прочныя самостоятельныя убѣжденія, но все-таки, говоримъ, будь обстоятельства иныя, будь болъшій просторъ его дѣятельности, не тѣ бы силы обнаружилъ онъ передъ нами.

Въ жизни Николая Герасимовича Помяловскаго не было ничего особенно оригинальнаго: такую жизнь переживали и переживаютъ многіе; тѣмъ не менѣе, эта жизнь служитъ фактомъ, надъ которымъ слѣдуетъ призадуматься. Я коротко зналъ Помяловскаго. Вмѣстѣ съ нимъ мы прозябали въ бурсѣ, вмѣстѣ кончили курсъ и не разлучались потомъ до самой смерти Николая Герасимовича, но все-таки я не рѣшаюсь дѣлать оцѣнку этой печальной жизни, — пусть скажетъ она сама за себя. Мнѣ хотѣлось только указать на тѣ факты, которые помогли его развитію, и на тѣ, которые погубили его. Будемъ излагать эти факты съ полною откровенностью, не скрывая даже такихъ сторонъ жизни Помяловскаго, которыя, по видимому, могутъ компрометировать въ глазахъ обще-

ства эту симпатичную личность. Помяловскій не любилъ лести, да онъ и не нуждается въ ней.

Николай Герасимовичъ до послѣднихъ дней своей жизни сохранилъ глубокое уваженіе къ памяти отца, и вспоминалъ о немъ съ любовью. Отецъ его былъ дьякономъ при здѣшной мало-охтенской кладбищенской церкви; человекъ онъ былъ тихій, миролюбивый, старавшійся дѣйствовать на дѣтей одними совѣтами и кроткими внушеніями. Вообще семейный гнетъ не тяготѣлъ надъ Помяловскимъ, и это отсутствіе семейнаго самодурства, рѣдкое въ нашихъ духовныхъ семействахъ, благотворно дѣйствовало на развитіе ребенка и положило первыя основы его самостоятельности въ мысляхъ и дѣлахъ. Первыми товарищами его дѣтства были октяне, — народъ не забитый и смѣтливый; съ ними онъ участвовалъ на разныхъ сходкахъ и играхъ. Близость рѣки и рыболовные промыслы поселянъ рано развили въ Помяловскомъ любовь къ рыбной ловлѣ, и эту любовь сохранилъ онъ до конца жизни. Поцѣлымъ днямъ, говорятъ, проводилъ онъ время или на гонгахъ, съ удочкой въ рукахъ, или на мѣстной тонѣ, гдѣ между тонщиками у него были также свои пріатели, съ которыми онъ толковалъ по рыбной спеціальности. Замѣчательно, что онъ какъ-то мало сходилъ съ своими сверстниками, и больше придерживался взрослыхъ. Мальчикъ онъ былъ здоровый, бойкій и мыслящій: самая жизнь на гонгахъ, въ постоянномъ уединеніи, располагала его къ размышленіямъ и давала полную волю его дѣтскимъ фантазіямъ. Не мало также, вѣроятно, вліяли на его дѣтскую душу кладбище, гробы, лица покойниковъ, погребальныя процессіи, заунывное пѣніе и горькія рыданія, къ которымъ онъ приглядывался и прислушивался чуть не съ колыбели. Кто знаетъ, что думалъ малютка, подъ впечатлѣніемъ подобныхъ картинъ и сценъ? Конечно, онъ скоро приглядѣлся къ нимъ и сталъ смотрѣть на эти грустныя явленія, какъ на обыденныя, и притомъ такія, которыя даютъ отцу его средства къ жизни;

но, можетъ быть, эти «пейзажики» и дали зародышъ тѣхъ думъ, которыя потомъ онъ высказалъ въ лицѣ своего Череванина.

Отецъ Николая Герасимовича былъ человѣкъ не богатый; онъ сначала самъ училъ его читать и писать, а потомъ отдалъ его въ какую-то грошовую школу, находящуюся тамъ же, на Охтѣ. Въ этой школѣ Помяловскій пробылъ мѣсяца четыре и возвратился домой, потому что тамъ не чему было больше учиться.

Стукнуло ему 8 лѣтъ отъ роду. Отецъ порѣшилъ: «ну, теперь пора въ училище»,—и свезъ его въ здѣшнее Александровское духовное училище. Другого училища, конечно, и не имѣлось въ виду: ужъ такъ на роду написано и обычаемъ предковъ освящено, что каждый птенецъ «духовный» долженъ пройти черезъ бурсу, какъ очистилище какое, и приобрести тамъ лоскъ, необходимый для духовнаго званія. По фатуму своего происхожденія, Помяловскій долженъ былъ идти той же колеей, по которой проходили всѣ предки его;—ну и вступилъ онъ въ эту колею, изъ которой потомъ всю жизнь выбивался. Впечатлительный, доврчивый ребенокъ очутился въ новомъ мѣрѣ, извѣстномъ подъ именемъ «бурсы», гдѣ были уже тогда два брата его. Помяловскаго записали во второй приходскій классъ—долбить начатки и грамматику.

Первыя впечатлѣнія свои, среди новой обстановки, Николай Герасимовичъ подробно описалъ въ четвертомъ очеркѣ бурсы: «Бѣгуны и спасенные», гдѣ вывелъ самого себя подъ именемъ Караса. По этому описанію читатель можетъ судить, сколько мученій долженъ былъ перенести новичокъ-ребенокъ въ первые дни своего пребыванія въ бурсѣ. Товарищи обыкновенно въ первый же день стараются обколотить ребенка, запугать его и превратить въ бурсака; всякая ласка тамъ считается неприличною, даже любовь къ роднымъ осмѣивается, какъ преступленіе. Бурса для птенца то же, что *отреченіе отъ міра* для монаха, что *мертвый домъ* для арестанта, и съ первыхъ же дней она владеть на него клеймо

свое: или безшабашнаго ухарства, или забитаго, робкаго пресмыканья и испуга. И счастливъ тотъ, кто сумѣетъ придержаться середины и не погибнуть; да и обстоятельства особыя нужды для этого. } «Всѣ увѣрены, говоритъ Помяловскій, что дѣтство есть самый счастливый, самый невинный, самый радостный періодъ жизни, но это ложь: при такой системѣ нашего воспитанія это самый опасный періодъ, въ который легко развратиться и погибнуть на вѣки». } «Первыя впечатлѣнія Караса были таковы, что не помоги Силычъ, — онъ превратился бы въ подлеца, либо въ дурака». И спасибо Силычу за то, что онъ сберегъ намъ Помяловскаго.

Заслуга Силыча состояла въ томъ, что онъ, находясь въ дружбѣ со старшимъ братомъ Помяловскаго, взялъ девятилѣтняго Николая Герасимовича подъ свою защиту и не позволялъ товарищамъ колотить его. Помяловскій, подъ этой защитой, могъ, наконецъ, встать на ноги, оглядѣться и принять мѣры для защиты своей спины. Въ бурсѣ вообще огромное значеніе имѣетъ кулачное право; каждый, имѣющій силу, бьетъ, кого хочетъ, и друга, и недруга, каждый бьетъ слабѣйшаго, а начальство, въ свою очередь, бьетъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ и чуть не сотнями выгоняетъ вонъ изъ училища. Этотъ духъ бѣнія до того пропитываетъ каждую бурсацкую натуру, что даже мальчики слабые, не имѣющіе силъ драться, хоть щипкомъ, хоть пакостью какою нарываютъ на комъ нибудь сорвать свою злость, которую навѣваетъ на нихъ ученичество. Это не дѣтскія игры, а какое-то звѣрское ожесточеніе, сопровождающееся отвратительнымъ цинизмомъ и поруганіемъ всего, что составляетъ украшеніе дѣтства. Цѣнится только одна физическая сила, выносливость въ бояхъ и абсолютная лѣность. Нѣчто въ родѣ того происходило и въ томъ училищѣ, гдѣ обучался Помяловскій *).

*) Все сказанное здѣсь о бурсѣ происходило еще въ 40-хъ годахъ, когда вообще большинство нашихъ духовно-учебныхъ заведеній страдало отъ недостатка присмотра. Замѣчаемъ это для того

Помяловскій былъ по природѣ слишкомъ впечатлительнъ, и это вѣчное мордобитіе, эта картина нравственнаго безначалія не прошла для него даромъ; онъ сталъ осмотрителенъ, недо-вѣрчивъ и на каждаго силача глядѣлъ, какъ на разбойника, могущаго спокойно придушить его. Учиться сталъ онъ плохо; непонятные учебники, за которые его частенько сѣкли, а дѣла не объясняли,—опротивѣли ему. Въ слѣдующемъ классѣ онъ просидѣлъ, вмѣсто двухъ, — четыре года, а все-таки науки бурсацкой постигнуть не хотѣлъ, хотя наука эта была во-все не обременительна для учениковъ. Вотъ какія соображе-нія приводитъ Помяловскій на счетъ преподаванія, напри-мѣръ, закона божія.

«Извѣстно, что въ большей части духовныхъ училищъ полагают-ся пройти въ два года по закону божію 56 листиковъ, что состав-ить приблизительно 2,800 строкъ; для закона же божія полагается 208 левцій, каждая въ два часа, то есть, полагается на 2,800 строкъ 416 часовъ. По расчету, приходится на классъ около 6 строкъ, на часъ 3 строки. Теперь другой расчетъ. Возьмемъ мы ученика и возьмемъ попугая. Я увѣренъ, попугай, животное безтолковое, за-учить все это, если не въ два, то, по крайней мѣрѣ, въ четыре года, а мальчика научить не могутъ. Что же сказать послѣ этого о не-способныхъ мальчикахъ? Расчетъ и дѣльное преподаванье должны уничтожить самое понятіе о безтолковости дѣтей. Глухихъ, слѣпыхъ, нѣмыхъ нынѣ учатъ и выучиваютъ: а у насъ сотнями исключаютъ изъ училищъ, какъ неспособныхъ».

Въ своихъ «Очеркахъ бурсы» Помяловскій первый съ такою силою и безпощадностью раскрылъ передъ глазами общества ту глубокую педагогическую язву, въ которой обра-зуются бурсаки. Элегантное общество съ содроганіемъ отвер-нулось отъ этой картины и не хотѣло вѣрить, что въ наше время могутъ происходить такія безобразія, но бурсаки сразу узнали свое родимое гнѣздышко и отъ души сказали Помя-ловскому «спасибо»! Конечно, по первымъ очеркамъ нельзя судить о бурсѣ вообще, потому что нельзя представить себѣ,

чтобы читатели не судили по нашему описанію о нынѣшнихъ духов-ныхъ училищахъ, гдѣ, сообразно съ потребностями времени, введе-ны, говорятъ, многія улучшенія.

какъ можно въ такой средѣ не одичать, не погибнуть, и неужели тамъ никогда не встрѣчается ни одной свѣтлой личности? Правда, сотни дѣтей тамъ дичаютъ и гибнутъ, но все-таки сохраняются и хорошія личности, хотя рѣдная изъ нихъ въ эту пору не надломится нравственно. Помяловскій въ своихъ очеркахъ успѣлъ описать только времена кулачнаго права, которыя опредѣляли данныя для развитія бурсацкихъ характеровъ и умосозерцаній. Это былъ еще дикій, не сложившійся въ опредѣленные формы, хаосъ, изъ котораго потомъ постепенно выработывалось *товарищество*, а въ этомъ товариществѣ, въ этой ассоціаціи умовъ, съ цѣлью бороться противъ устарѣвшей формы воспитанія, и сказалась впоследствии сила, которая многихъ удержала отъ гибели. Эту-то силу и думалъ потомъ обрисовывать покойный, думалъ разъяснить ея спасительное значеніе и первые признаки ея указать въ пятомъ очеркѣ: «Переходное время бурсы». Но объ этомъ рѣчь впереди.

Въ училищѣ я не былъ знакомъ съ Помяловскимъ. Помню, какъ однажды товарищи робко указали мнѣ на него, какъ на силача, который въ обиду себя не дастъ. Онъ шелъ по мосткамъ въ порыжѣлой казенной шинели, ободранной и истасканной до-нельзя; шапка нахлобучена была по самыя уши, воротникъ поднять и изъ-за воротника виднѣлся одинъ только глазъ со шрамомъ.

— Это Карась,—шептали мнѣ товарищи.

— Карась?—громко спросилъ я.

— Тише!.. Услышитъ, такъ не радъ будешь: побьетъ.

Я съ тѣхъ поръ всегда со страхомъ поглядывалъ на Помяловскаго, и очень хотѣлось мнѣ хоть разъ обозвать его Карасемъ, чего онъ, какъ бурсакъ, конечно не стерпѣлъ бы.

Помяловскій былъ тогда уже въ старшемъ классѣ училища. Здѣсь товарищество начинаетъ уже понемногу формироваться и на первый разъ дѣлится на двѣ партіи: второкурсныхъ и первокурсныхъ.

Первые царятъ въ классѣ, потому что въ ихъ рукахъ старшинство, аудиторство и цензорство. Послѣдніе всѣми

силами стараются чѣмъ нибудь нагадить первымъ. Помяловскаго объ партіи отчасти боялись, отчасти уважали. Онъ былъ тогда уже «отпѣтымъ» бурсакомъ, то есть: науками не занимался, порки не боялся, передъ начальствомъ не трусилъ, а противъ плюходѣствія товарищескаго былъ вооруженъ здоровымъ кулакомъ. Онъ понималъ, что товарищество бурсацкое прежде всего уважаетъ такого рода «отпѣтыхъ» субъектовъ, и хотя съ большимъ трудомъ, но пріобрѣлъ-таки себѣ это реноме. Учителя сперва жарко пороли его, но потомъ и пороть перестали. Всего, Помяловскаго выпороли въ бурсѣ, по его собственному счету, *четыреста* разъ, такъ что въ послѣдствіи онъ частенько самъ задавалъ себѣ вопросъ: «пересѣченъ я, или еще не-досѣченъ?»... Кроме того ему чуть не каждый день приходилось стоять на колѣняхъ, быть безъ обѣда и проч. Но Николай Герасимовичъ стоически выносилъ всѣ эти педагогическія истязанія, а учиться все-таки не сталъ, даже больше возненавидѣлъ бурсацкіе учебники, при видѣ которыхъ ему припоминались всѣ эти истязанія. Съ поркой онъ потомъ свыкъся, колѣнъ не жалѣлъ: «на этихъ мѣстахъ,—говаривалъ онъ,—у меня слоновая кожа выросла, потѣшайся сколько хочешь, мнѣ все одно»; но одного только наказанія не могъ выносить онъ: «неувольненія въ городъ». Для городского бурсака нѣтъ большаго счастья, какъ вырваться, хоть на нѣсколько часовъ, на вольный воздухъ, повидать лица привѣтливыя, чувствовать на себѣ ласки родственниковъ. Помяловскій всегда съ нетерпѣньемъ ждалъ субботняго дня,—и начальство воспользовалось этимъ средствомъ, чтобы обратить его на путь науки. Очень естественно, что послѣ всего этого, онъ всѣми силами своей молодой, но уже ожесточенной души возненавидѣлъ гнетъ, на cadaго учителя смотрѣлъ, какъ на врага, и задыхался отъ безсильной злобы. Эта ненависть осталась въ немъ на всю жизнь.

Въ бурсѣ было много учениковъ забитыхъ, робкихъ, оглутившихъ отъ вѣчныхъ побой и сѣченій. Испытавъ на самомъ себѣ всю горечь жизни подобнаго рода, Помяловскій